

Хатаке Какаши был трусом.

Он знал это. Он знал это и ненавидел в себе. Когда он впервые потерял отца, вместо того, чтобы справиться с горем, он решил убежать от него. Погрузиться в протокол шиноби в тщетной и бессмысленной попытке заглушить свои чувства.

Когда он потерял Обито, то вместо того, чтобы справиться с горем, он решил его игнорировать. Он не игнорировал жертву Обито, нет, нет. Он решил игнорировать свое горе, свои эмоции. Когда он потерял Рин, все было точно так же. И вот, когда он потерял последнего человека, которого когда-либо любил - Минато, он сделал то, что делал всегда.

Он сбежал.

Он с суицидальной энергией бросился в АНБУ. Половина его отчаянно желала быть убитой на миссии, а другая половина отчаянно хотела, чтобы кто-нибудь вытащил его из этого ужасного подразделения Ками. Он пробыл в АНБУ около пяти лет, пока Третий Хокаге не выгнал его, заявив, что его эмоциональная неуравновешенность слишком рискованна, чтобы допускать его к миссиям.

Какаши поспешил с этим не согласиться, но в ответ получил фатальное заявление об отсутствии эмоций.

Чудом было то, что Третий Хокаге не заставил его лечиться больше месяца.

После этого Какаши примерно на полгода ушел в отпуск от обязанностей шиноби. Он, конечно, тренировался, но вел затворнический образ жизни. Он знал, что должен справиться со своими эмоциями, но не мог понять, как это сделать.

Было так много боли и так невыносимо одиноко, что это казалось слишком. Какаши был погружен в печаль, ненависть к себе и абсолютное смятение. Ему потребовался весь отпуск, чтобы найти в себе силы хоть что-то сделать. У него был соблазн, очень большой соблазн, просто последовать за ними.

Но он не стал бы этого делать. Он никогда бы не пошел по стопам своего отца, так же как и не опозорил бы жертву Обито. Поэтому ему удалось каким-то образом подняться на ноги. Он заставил себя вернуться к службе шиноби и спустя еще несколько месяцев чувствовал себя относительно стабильно.

Так было до тех пор, пока не появилась она.

Какаши знал о Наруто и Мивако. Да и как он мог не знать, когда сам Третий Хокаге попросил его позаботиться о них? Какаши отказал ему. Тогда - да и сейчас - он не мог заставить себя заботиться о них так же, как Минато заботился о Какаши.

Тогда он был слишком молод, слишком неуверен в себе, чтобы заботиться о драгоценных детях своего любимого сенсея. Он знал, что никогда не сможет простить себе, если с ними что-то случится, пока они находятся под его опекой. Поэтому он просто пресекал эту возможность на корню.

Он был виноват, ужасно виноват в том, что, по сути, бросил их, но он просто не видел ничего хорошего в том, что он их воспитывал. Он даже не смог защитить ни одного человека, которого любил. По сути, он косвенно убил троих из них.

Своего отца, так и не принявшего его после той провальной миссии. Обито - по более очевидным причинам, а Рин - по еще более очевидным. С ними он не мог рисковать. Не с ними.

Поэтому он игнорировал их. Это было так легко сделать. Просто убежать от них, как трус, которым он и был. Они не знали о нем, поэтому не могли его искать. Не могли положиться на него, не могли возлагать на него надежды. Он мог просто проскользнуть под их радаром и оставаться скрытым до конца своих дней.

Так было до тех пор, пока не появилась она.

Третий Хокаге хотел, чтобы о близнецах заботились. Хотел, чтобы близнецы были в счастливой семье, чтобы их любили. Он был очень разочарован, когда ни Какаши, ни Джирайя не взяли их в семью. Третий не стал давить на Какаши, ведь даже ему было видно, насколько подросток расстроен, но он все равно был разочарован тем, что даже спустя столько времени Какаши так и не удосужился выполнить свой долг.

Свой долг.

По отношению к своему сенсею.

По отношению к человеку, которого он считал своим отцом.

Почему из всех профессий, которые она могла выбрать, Какаши должен был специализироваться именно на этой? Почему она не могла выбрать что-то более простое и обычное?

Почему?

И вот он, великий Хатаке Какаши, встречается со своим долгом вместе с Хокаге. Как только Какаши вошел в комнату, он сразу же увидел ее и понял, кто она такая.

Она была так похожа на Минато, что это причиняло физическую боль.

Ему пришлось сделать паузу, чтобы подавить грызущее его чувство вины. Шепчущие голоса издевались над ним, говоря о том, как он подвел Минато, как он подвел Обито и всех остальных. Как он был трусом, убежав от маленькой девочки...

И когда Какаши опустился в кабинку напротив нее, его глаза рефлекторно просканировали ее. Яркие, ярко-голубые глаза, так похожие на глаза Минато, смотрели на него с удивлением и какой-то робкой застенчивостью. Её ярко-золотистые волосы, ещё больше похожие на волосы Минато, были завязаны в две очаровательные косички.

"... Какаши-сан, это Мивако-чан, девушка, о которой я вам рассказывал".

Какаши заставил себя посмотреть прямо на нее - Мивако, поправил он себя, - и каким-то образом сумел сделать свой голос относительно ровным. "Охайё, Мивако-чан".

Она наклонила голову, и на ее щеках проступил слабый румянец. Она улыбалась, и Какаши совершенно точно видел, что это улыбка Кушины. "Охайё, Хатаке-сан".

"Маа, маа. Какаши в полном порядке. Хатаке заставляет меня чувствовать себя таким старым", - ответил Какаши, умудрившись подарить ей небольшую улыбку. Он просто должен был выдержать эту встречу. Он просто должен был спокойно отказать ей. Осторожно отклонить ее просьбу взять его в учителя. Он знал других.

Цуме был отличным следопытом и гораздо лучшим сенсеем, чем он. Он мог направить ее к Цумэ. "Хокаге-сама сказал, что ты интересуешься слежкой?"

Мивако кивнула головой, слегка ерзая под взглядом Какаши. "Угу, байо".

Какаши напрягся, услышав этот промах. Судя по ее реакции, она тут же пожалела об этом. Какаши пришлось напрячься, чтобы не броситься наутек, потому что она говорила точно так же, как Кушина.

Она была похожа на отца, но у нее была улыбка матери и ее голос. Это было худшее сочетание, которое Какаши мог пожелать. Она слишком напоминала о себе. Слишком явным признаком того, что он трус и как ужасно он пренебрегает ею и Наруто. Она была просто слишком.

Он хотел уйти. Ему нужно было уйти.

Он не мог тренировать ее. Он не мог. Это было слишком. Слишком быстро, слишком неожиданно, слишком много.

Хатаке Какаши был трусом, и он знал это.

Поэтому он приготовился все объяснить: Она была отличной ученицей, но он не мог взять ее, потому что не считал себя подходящим сенсеем для нее. А вот Цумэ, по его мнению, идеально ей подходит. К тому же она была ему обязана, так что для нее это не составит труда...

Он был удивлен.

"Все в порядке", - внезапно сказала Мивако, и ее некогда яркие глаза приобрели тусклый оттенок, от которого Какаши едва удержался, чтобы не поморщиться. Ее голос, который еще несколько минут назад был таким ярким и задорным, стал более безразличным и, возможно, даже обиженным. "Я не хочу... Я не хочу обременять тебя, байо".

"Мивако-чан..." - начал Хокаге.

"Все в порядке", - настаивала Мивако, хотя все, кроме ее слов, доказывало обратное.

Какаши... Какаши вздрогнул. Настолько слегка, что это, скорее всего, осталось незамеченным для нее. Чувство вины удвоилось внутри него, и в этот момент Какаши ненавидел свою трусость. Он не хотел быть трусом. Не хотел быть постоянно несчастным. Не хотел застревать в прошлом.

Но он просто не мог заставить себя переступить через это. Он не считал себя достаточно достойным.

В конце концов... он позволил им умереть...

"А я нет", - наконец огрызнулась Мивако. "Он не такой, как все. Он ясно дал это понять, Байо. Я знаю, что я не чудовище. Я знаю, что Нии-тян не чудовище. Но остальные не знают. И я не собираюсь навязывать себя тому, кто явно не хочет меня, байо!"

Какая-то часть Какаши на это огрызнулась. Небольшая часть, но она, похоже, произвела эффект домино.

Какаши не считал ее чудовищем. Но то, что она сама считала его таковым... ранило... его. Он знал, что у них не будет идеальной жизни. Он знал, что им придется немного побороться, но он также знал, что все не может быть так плохо, не так ли?

И все же... и все же... Здесь была эта маленькая девочка, в глазах которой был какой-то мертвый тон, который Какаши видел только у опытных шиноби. Ни у одного ребенка не должно быть такого мертвого тона. Он знал это, потому что такой же тон был у Какаши, и именно эти слова сказал ему Минато.

В тот момент он задумался о том, каким бы он стал, если бы Минато не было рядом. Если бы Минато не поддержал его.

Ему не нравилось, чем бы это могло обернуться.

Особенно ему не нравилось, что дочь его сенсея может пойти по этому пути... когда он мог остановить её.

Но Хатаке Какаши был трусом.

Он не хотел обучать её. Он не хотел иметь с ней ничего общего. Она причинила бы ему боль, косвенно. Она открыла бы старые эмоции и воспоминания, которые он похоронил в себе. Она стала бы солью на его раны.

Хатаке Какаши был трусом.

Но Намикадзе-Узумаки Мивако все равно нуждалась в нем.

И в этот момент внутри Какаши вспыхнул приступ неповиновения. В тот же миг Какаши почувствовал страшный гнев. И на себя, и на весь мир.

Хатаке Какаши был трусом.

И его... тошнило... от... этого.

Поэтому в тот единственный раз, когда Хатаке Какаши бросил вызов, в тот единственный момент он не поступил как трус.

Он вмешался: "Я этого не говорил".

И в тот момент, в тот момент, когда эти слова были произнесены, Хатаке Какаши почувствовал гордость за себя.

Потому что где-то, каким-то образом он чувствовал их одобрение.

То, чего он не чувствовал уже очень, очень давно.

И хотя он знал, что это будет больно. Даже если он отчаянно желал, чтобы она никогда не связывалась с ним. Даже если он знал, что не сможет - не сможет - простить себя, если снова потерпит неудачу...

Хатаке Какаши выдержал бы это, потому что этого хотели бы они.

И, как ни странно, этого хотел он сам.

Хатаке Какаши был трусом.

Но сегодня он будет храбрым.

<http://tl.rulate.ru/book/101265/3501354>